

ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВА. НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Елена Коннова

Одной из определяющих черт международных отношений в эпоху глобализации является расширение сотрудничества государств во всех сферах. Юридическую основу для осуществления такого сотрудничества создает односторонний акт признания вновь возникшего государства, что обуславливает актуальность вопросов признания в международном праве на современном этапе. Кроме того, актуальность проблемы признания повышается в связи с наличием в современных международных отношениях ряда самопровозглашенных государственных образований, претендующих на признание и сталкивающихся с нежеланием мирового сообщества допустить нарушения принципа территориальной целостности.

В данной статье будут рассмотрены некоторые теоретические аспекты одностороннего акта признания в международном праве. На основе анализа критериев признания государств будут рассмотрены вопросы, касающиеся преждевременного признания, и сделаны выводы о правомерности применения этого термина, впервые сформулированного в классической доктрине международного права, но продолжающего использоваться в современной международно-правовой литературе.

В научной литературе преждевременному признанию уделяется мало внимания. Зарубежные авторы, рассматривающие некоторые вопросы преждевременного признания (Р. Рич [32], М. Шоу [33], Дж. Виделл [35]), не дают четкого определения этого понятия, не обосновывают его юридического значения и не раскрывают его международно-правовых последствий. Положения же классической доктрины (де Галет [11], Ф. Лист [17], Ф. Ф. Мартенс [18], ранние работы Д. Анцилотти [7], Л. Опенгейма [20], А. Фердросса [27], Ч. Ч. Хайда [28]) требуют переосмысления с учетом коренных изменений в XX — начале XXI вв.

Вопросы признания взаимосвязаны со способами возникновения государства. Наибольшие трудности при предоставлении признания вызывают новые государства, образованные в результате отделения части территории либо распада федераций.

Отделение территории в результате народно-освободительной войны — форма возникновения государства, характерная в основном для XX в. Однако такие войны были известны и ранее (в эпоху феодализма — это войны за независимость Нидерландов и Португалии против Испании, Со-

единенных Штатов Америки против Великобритании, в XIX в. — отделение южноамериканских колоний от Испании и Португалии, Греции от Турции, Бельгии от Голландии). Колониальные державы вполне естественно противились таким процессам и долгое время не признавали отделившиеся государства. Так, объявившие о своей независимости Нидерланды (в 1576 г.) и Португалия (в 1640 г.) были признаны Испанией лишь в 1648 и 1668 гг. соответственно [19, с. 19]. Соединенные Штаты Америки, отделившиеся в 1776 г., получили признание Великобритании лишь в 1783 г. [10; 28, с. 278]. Бельгия провозгласила независимость в 1830 г., но Голландия признала этот факт только в 1839 г. [18, с. 281].

В доктрине международного права рассматриваемого периода признавалось, что, предоставляя признание до момента завершения военных действий, государства брали на себя «не принадлежащую им роль судей справедливости междуоубной войны» [18, с. 291]. В то же время предоставление такого признания не считалось нарушением международного права. Ф. Лист отмечал, что «преждевременное признание части государства, которая еще борется за свою самостоятельность... является актом недружелюбия (не правонарушением) по отношению к метрополии» [17, с. 66]. Некоторые юристы-международники до XX в. вообще не считали преждевременное признание вопросом, относящимся к международному праву. Так, де Галет утверждал, что такое признание не относится к международному праву, «а есть следствие видов чисто дипломатических» [11, с. 21].

В первой половине XX в. на фоне роста колониальной экспансии, борьбы за господство над колониями усиливается национальное самосознание в колониальных странах, что приводит к мощному подъему национально-освободительных движений в Индии, Индонезии, Египте, Сирии, Ираке, Палестине, Турции, Иране, Афганистане, Монголии, Южной Африке и других странах [9, с. 450].

Эти процессы вызывают потребность в юридической оценке проблемы преждевременного признания, что находит отражение в международно-правовой литературе. В это время дается четкое определение понятия преждевременного признания и разрабатываются критерии своевременности предоставления признания.

Под преждевременным в доктрине по-прежнему понималось признание, предоставленное отделившейся от метрополии территории, которая еще

Автор:

Коннова Елена Владимировна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, заместитель директора по учебной работе юридического колледжа Белорусского государственного университета

Мелешко Валерий Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии внутренних дел Республики Беларусь

борется за свою независимость [20, с. 138–139; 27, с. 229; 28, с. 282–284]. В качестве основного критерия для установления своевременности признания рассматривался факт окончания борьбы. При этом отмечалась сложность определения момента, когда можно было с уверенностью сказать, «что созданное революцией государство надежно и устойчиво» [20, с. 139]. В этой связи Ч. Хайд рекомендовал в течение некоторого времени после окончания конфликта воздержаться от предоставления признания [28, с. 284].

Отдельные авторы критерием своевременности признания считали предварительное признание нового государства его бывшей метрополией. Так, по мнению немецкого юриста-международника В. Брунса, признание территориального изменения могло считаться законным лишь при условии, что ему предшествовало признание государства, в ущерб которому произошло такое изменение [см.: 7, с. 169].

Другие ученые (Л. Оппенгейм, А. Фердросс, Ч. Хайд) придерживались точки зрения, что признание нового государства бывшей метрополией не являлось обязательным критерием для определения своевременности этого акта. А. Фердросс отмечал, что «третьи государства не обязаны выжидать предварительного признания нового государства со стороны его метрополии» [27, с. 229]. Однако такое признание являлось окончательным доказательством факта установления новым государством своей независимости [20, с. 139], и при наличии этой предпосылки признание не могло считаться преждевременным [28, с. 281].

Итальянский юрист-международник Д. Анцилотти отрицал юридическое значение преждевременного признания, считая, что: «Соображения о своевременности признания... имеют скорее политический, нежели правовой характер» [7, с. 170]. Однако большинство ученых полагали, что преждевременное признание является международно-правовой проблемой, поскольку представляет собой интервенцию, а значит — нарушение международного права.

Середина XX в. характеризуется многими исследователями как эпоха краха колониализма. Действительно, распад колониальной системы в этот период приобрел всеобщий характер и набрал небывалые темпы. В 1943 г. добились государственного суверенитета Сирия и Ливан, в 1945 г. — Вьетнам и Индонезия, в 1946 г. — Иордания и Филиппины, в 1947 г. — Индия и Пакистан, в 1948 г. — Бирма и Цейлон, в 1949 г. — Китай, в 1951 г. — Ливия, в 1953 г. — Камбоджа, в 1953–1954 гг. — Лаос. За 1956–1965 гг. 33 независимых государства образовались в Африке. Независимости добились Куба (1959 г.), Кипр (1960 г.), Ямайка (1962 г.), Тринидад и Тобаго (1962 г.), Мальта (1964 г.) и др. [9, с. 450]. В 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, провозгласившая необходимость «незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях» [4].

В этих условиях проблема отделения бывших колоний от метрополии и их признания приобретает новое звучание. Взгляды юристов-международников на преждевременное признание раздвигаются. Советские ученые, последовательно отстаи-

вавшие право отделившейся колонии на немедленное признание, отрицают саму постановку вопроса о преждевременности признания. В разработках проблемы преждевременного признания, проводимых некоторыми западными юристами-международниками (С. Александрович, Г. Тейшер), они усматривают «заботу о сохранении остатков колониализма» и стремление оправдать практику непризнания, распространенную среди капиталистических стран во второй половине XX в. [см.: 26, с. 116].

В то же время рядом авторов (Х. Лаутерпахт, Дж. Браерли, Д. Иджалайя) для определения своевременности и действительности актов признания продолжает использоваться критерий окончания борьбы за независимость. Так, на основании этого критерия делается вывод о том, что противоправным и недействительным было признание самопровозглашенной в 1968 г. Республики Биафра пятью государствами (Танзанией, Габоном, Берегом Слоновой Кости, Замбией и Гаити). При этом отмечается, что «по-видимому, в юридической литературе преобладает мнение, согласно которому преждевременное признание является неправомерным по международному праву» [31, р. 559].

Во второй половине XX в. в международно-правовых документах получает закрепление и развитие принцип равноправия и самоопределения народов, другие принципы, имеющие прямое отношение к возникновению государств (принципы территориальной целостности, нерушимости границ, неприменения силы и угрозы силой, невмешательства в дела других государств). Практика применения этих принципов, их детальная теоретическая разработка в доктрине делают возможным их использование при оценке законности создания государств, а следовательно, и их признания. Постепенно исследователи утрачивают интерес к вопросам своевременности признания, который возрождается вновь в 1990-х гг.

В конце XX в. на международной арене возникает свыше 20 новых государств. Причем, как отмечает российский ученый Г. Старушенко, если появление двух десятков государств в 1960 г. в результате ликвидации колониализма «приветствовалось, то появление в 1992 г. примерно такого же количества новых субъектов международных отношений явилось в значительной степени следствием развала суверенных государств, и это настораживает» [24, с. 128]. Проблема преждевременного признания вновь обретает актуальность.

Так, вопрос о преждевременности признания Боснии и Герцеговины, Словении, Хорватии ставят Дж. Виделл, А. Драгнич, М. Шоу. При этом Дж. Виделл, отмечая изменения, которым подвергся традиционный взгляд на преждевременное признание, утверждает, что с 1991 г. «на преждевременное признание не просто смотрят сквозь пальцы. Признающие государства также полагают, что у них есть моральное право порицания государства, права которого были нарушены преждевременным признанием» [35].

Необходимо отметить, что, касаясь вопросов преждевременного признания, авторы не дают определения данного понятия, не раскрывают его юридического значения. На наш взгляд, применение этого термина в юридической литературе ста-

новится необоснованным ввиду отсутствия в современном международном праве критериев, по которым можно было бы определять своевременность признания.

Критерий предоставления признания лишь после того, как оно будет предоставлено государством, в ущерб которому произошло отделение, не получил распространения в классическом международном праве; не имеет он юридического значения и в современных международных отношениях.

Например, признание США и странами ЕС Прибалтийских государств в 1991 г. было охарактеризовано президентом М. Горбачевым как «поспешное» [32, р. 38]. Как преждевременное некоторыми исследователями характеризуется признание Словении и Хорватии, поскольку оно было предоставлено вопреки воле Югославии [35]. Однако, как справедливо отмечается в литературе, при признании нового государства третьими странами редко случалось, чтобы государство, от которого происходит отделение, не жаловалось на преждевременность признания [28, с. 282]. На наш взгляд, это имеет лишь политическое значение.

Такой критерий, как окончание борьбы за независимость, также утратил свою значимость. Этот критерий был сформулирован в то время, когда любая война считалась допустимым способом ведения политики и именно результаты такой войны являлись основным мерилom правомерности тех или иных территориальных изменений. В классическом международном праве не были закреплены принципы равноправия и самоопределения народов, территориальной целостности, нерушимости границ и др., в соответствии с которыми можно было бы оценивать правомерность возникновения нового государства, а следовательно, и предоставленного ему признания.

Закрепление указанных принципов в современном международном праве делает критерий окончания борьбы, как минимум, недостаточным, а на наш взгляд, он и вовсе перестает быть необходимым при условии соблюдения новым независимым государством в процессе своего создания требований международного права. В этом случае борьба центрального правительства за сохранение контроля над отделившейся территорией будет являться нарушением принципа самоопределения, а значит, с юридической точки зрения, не должна приниматься в расчет третьими государствами, предоставляющими признание.

С другой стороны, принцип равноправия и самоопределения народов в современном международном праве ограничен принципами территориальной целостности, нерушимости границ, прав человека. В современных демократических государствах право на самоопределение реализуется прежде всего в границах государства в таких формах, как национально-культурная автономия, территориальная автономия, федерация [24, с. 130], система кантонального самоуправления [14, с. 186] и др. В соответствии с принципом самоопределения в его современной трактовке прежде, чем требовать отделения, необходимо использовать возможности других политических решений [23, с. 100].

Если право на самоопределение должным образом обеспечивается центральным правительством одним из указанных способов, а часть территории, несмотря на это, требует отделения, борьба такой территории за независимость будет являться нарушением принципов самоопределения, территориальной целостности и нерушимости границ. Именно противоречие международному праву должно в таком случае играть роль при принятии решения о предоставлении признания третьими государствами, а не тот факт, окончена борьба или нет.

Таким образом, в современном международном праве критерии предварительного признания нового государства бывшей метрополией, окончания борьбы за независимость не имеют юридического значения. Рассмотрим другие критерии, которые используются современными авторами для обоснования «преждевременности» признания.

В зарубежной литературе можно встретить мнение, согласно которому преждевременным было признание США и странами ЕС Хорватии и Боснии и Герцеговины (А. Драгнич, М. Шоу). При этом, обосновывая свою позицию, авторы указывают, что данные государства не отвечали на момент признания критерию эффективности и не контролировали большую часть своей территории [30; 33, р. 283–284]. В то же время нельзя сказать, что этот критерий закреплен в международном праве как обязательный для выполнения новыми государствами при их признании. Словенский ученый Д. Тюрк отмечает, что признание Боснии и Герцеговины, которая не соответствовала критерию эффективности, было «не только справедливым, но и... соответствующим государственной практике» [34, р. 69].

Азербайджанский юрист Ф. Р. Гасымов в своей диссертационной работе отмечает, что критерий эффективности, вошедший в современное международное право в качестве обычной нормы, является общепринятым [12, с. 79]. Однако далее автор указывает, что применение этого критерия в практике государств «не всегда носит последовательный, соответствующий реальной ситуации характер» [12, с. 83]. В то же время именно последовательная практика является одной из неизменных составляющих, свидетельствующих о существовании нормы обычного международного права. Следовательно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что критерий эффективности является юридически обязательным при предоставлении признания новым государствам.

Говорить о существовании в международном праве критериев признания государств вообще крайне затруднительно. Хотя в литературе указывается на существование таких критериев (Д. И. Фельдман) [21, с. 31] и предпринимаются попытки их сформулировать (Ф. Р. Гасымов) [12, с. 79–115], этот вопрос остается дискуссионным.

Так, в качестве критериев для признания государства предлагается использовать свойственные ему признаки, сформулированные в Латиноамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. (наличие определенной территории, населения, независимой власти и способности вступать в международные отношения) [29]. Австралийский юрист-международник Р. Рич отмечает, что в XX в. «международное сообщество в целом приняло тра-

диционные критерии государства как подходящие для принятия решений о признании» [32, р. 59]. Эти критерии, тем не менее, не выступают требованиями *sine qua non* для признания на практике [31, р. 556]. Нет согласия относительно их обязательности и в доктрине. Так, английский ученый М. Шоу указывает, что эти требования не являются «ни исчерпывающими, ни непреложными» [33, р. 178].

Интересно отметить, что Генеральной Ассамблее предлагалось принять декларацию, в которой перечислялись бы характеристики государства и указывалось, что «наличие таких черт должно быть установлено до признания любого политического образования в качестве государства». Сделать это не удалось [6, с. 11], что свидетельствует о нежелании государств принимать такие критерии в качестве обычной нормы международного права.

При отсутствии какого-либо международно-правового акта, закрепляющего критерии признания государств [26, с. 130], а также международного органа, наделенного полномочиями осуществлять коллективное признание [2, с. 19], установление факта существования государства в смысле международного права целиком находится в ведении государств [15, с. 110]. Вследствие этого критерии, применяющиеся для признания на практике, являются неоднородными и в значительной степени зависят от конкретной ситуации и политических интересов признающего государства.

Учитывая, что институт признания не кодифицирован, а практика государств, касающаяся критериев признания государств, крайне разнообразна, согласимся со специальным докладчиком Комиссии международного права по односторонним актам государств В. Р. Седенью, который заявил, что «к акту признания... не применяются какие-либо определенные критерии» [6, с. 11].

Отсутствие критериев признания отчасти объясняется дискреционным (от англ. *discretionary* — дискреционный, предоставленный на собственное усмотрение) характером этого акта. Английский юрист-международник Я. Броунли отмечал: «признание как публичный акт является дискреционным и политическим актом» [8, с. 153]. Дискреционность признания, выражающаяся в основном в отсутствии обязанности предоставлять его, распространяется и на критерии признания [6, с. 12]. В. Р. Седенью отмечает, что поскольку «акт признания является политическим, свободным и дискреционным актом государства», «критерием по-прежнему является изъявление государством его политических интересов» [6, с. 11].

Некоторые ученые указывают на необходимость разработки международными институтами универсальных юридических критериев для признания государств. Их закрепление способствовало бы обеспечению определенной стабильности и предсказуемости в международных отношениях. По мнению российского исследователя Е. Гуськовой, такими критериями могут быть уровень развития демократии, отсутствие геноцида по отношению к проживающим на территории меньшинствам, неиспользование практики терроризма, определенный процент соотношения титульной и нетитульной нации, результаты референдума и экономический потенциал для самостоятельной жизни региона [22].

Определенный шаг к выработке универсальных критериев был сделан при признании государств, образовавшихся на территории бывших Югославии и Советского Союза. 16 декабря 1991 г. Европейским сообществом были приняты Руководящие принципы для признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. В соответствии с данным документом государства, претендующие на признание, должны были предоставить гарантии соблюдения следующих условий:

- уважение Устава ООН и обязательств, принятых в соответствии с Хельсинкским заключительным актом и Парижской хартией, особенно касающихся верховенства закона, демократии и прав человека;

- предоставление гарантий соблюдения прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках ОБСЕ;

- уважение нерушимости всех границ, которые могут быть изменены только мирным путем по соглашению сторон;

- принятие всех обязательств в области разоружения, нераспространения ядерного оружия, безопасности и региональной стабильности;

- решение всех вопросов, касающихся правопреемства, и региональных споров при помощи заключения соглашений [34, р. 72].

Как отмечается учеными, эти критерии являются общепризнанными принципами международного права, а вследствие этого по сфере применения являются универсальными, не должны ограничиваться применением только в Европе и могут быть распространены на другие регионы [12, с. 150; 32, р. 60].

Отсутствие единых критериев для признания государств не ведет к произволу в применении признания. Свобода и политические интересы государств при формулировании признания ограничиваются только одним обязательным для всех требованием — соблюдением императивных международно-правовых норм.

Арбитражная комиссия Мирной конференции по Югославии в заключении № 10 указала: «признание... является дискреционным актом, который другие государства могут осуществить в тот момент, который они выберут, в той форме, в которой они пожелают, и без каких-либо условий, если не считать одного — уважения императивных норм общего международного права» [6, с. 12].

Назовем это требование критерием международной законности. Данный критерий имеет двоякое значение. Во-первых, недопустимо при признании выдвигать требования, противоречащие международному праву. «Признание государств... основывается на критериях, на практике не являющихся однородными, но неизменно отвечающих требованиям международного права» [6, с. 11]. Во-вторых, цель акта признания должна быть законной. Как отмечает российский ученый Р. А. Каламкарян, «выполнение этого требования обеспечивает действительность любого юридического акта, в том числе и акта признания» [13, с. 43]. Недопустимо признание государства, созданного в нарушение международного права.

Критерием международной законности руководствовался Совет Безопасности ООН, принимая резолюции, призывающие воздерживаться от признания созданных в нарушение принципа равноправия и самоопределения народов Южной Родезии (1965 г.), принципа невмешательства Турецкой Республики Северного Кипра (1983 г.), принципа неприменения силы и угрозы силой аннексию Кувейта Ираком (1990 г.) [3; 4; 5].

Таким образом, можно говорить о существовании лишь одного закрепленного в международном праве обязательного критерия признания. Однако этот критерий не имеет ничего общего с моментом предоставления признания. Оценка же своевременности признания, произведенная на основе других рассмотренных критериев, может носить лишь политический характер, поскольку эти критерии не закреплены в международном праве в качестве обязательных для признания. Следовательно, необоснованным, на наш взгляд, является и применение термина «преждевременное признание» в современной международно-правовой литературе. Его употребление вносит еще большую путаницу в институт признания — и без того сложный и неоднозначный институт международного права.

Такое решение проблемы не снимает вопроса о необходимости отзыва предоставленного признания в том случае, если признанное государство утратило признаки государственности вследствие возвращения контроля центрального правительства над мятежной территорией (как это произошло, например, с Биафрой). Существует мнение (Т. Б. Черепашина), что в таком случае признание прекращает существование в силу «исчезновения одного из существенных элементов, соединенное наличие которых было констатировано в момент признания» [см.: 16, с. 46]. Однако это утверждение опровергается другими учеными (М. И. Лазарев), которые считают, что нельзя говорить об автоматическом прекращении признания с исчезновением реквизитов государства или правительства,

поскольку на практике такое признание продолжало действовать для многих правительств в изгнании, которые не обладали этими «существенными элементами» [16, с. 46].

Таким образом, вопрос об отзыве преждевременного признания должен решаться государством, предоставившим признание. По общему правилу, акт признания *de jure* является безотзывным, окончательным актом. Однако в подобных случаях для государства остается возможность отзыва признания на основании оговорки *rebus sic standibus*. В то же время государство не обязано отзываться свое признание в том случае, если считает, что новое государство было создано в соответствии с требованиями международного права, а возвращение контроля над отделившейся территорией неправомерно.

Сказанное относится к государствам, возникновение которых произошло в соответствии с принципами международного права. Что же касается государств, созданных в нарушение международного права, то, как мы уже отмечали, их признание должно считаться неправомерным и не будет порождать международно-правовых последствий. Следовательно, отзыв в данном случае будет юридически излишним [8, с. 152].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование термина «преждевременное признание» в современной международно-правовой науке необоснованно ввиду отсутствия критериев, по которым можно было бы определять своевременность предоставления признания с юридической точки зрения. Единственным критерием, обязательным для государств, предоставляющих признание, является критерий международной законности. При условии его соблюдения, в какой бы момент не было предоставлено признание, оно не может считаться преждевременным в юридическом смысле этого слова. В случае же несоблюдения указанного критерия признание должно считаться не преждевременным, а неправомерным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 1960 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r15-1514.pdf>. Дата доступа: 17.03.2007.
2. Обзор международного права: рабочий документ, подготовленный Генеральным секретарем: док. ООН A/CN.4/245 // Ежегодник Комиссии международного права, 1971. Т. 2. Ч. 2. Нью-Йорк: ООН, 1973. С. 1—118.
3. Резолюция 216 (1965) от 12 нояб. 1965 г.: док. ООН S/RES/216(1965) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <www.un.org/russian/document/scresol/1965/res216.pdf>. Дата доступа: 20.03.2007.
4. Резолюция 541 (1983) от 18 нояб. 1983 г.: док. ООН S/RES/541(1983) [Электронный ресурс] // Там же. Режим доступа: <www.un.org/russian/document/scresol/1983/res541.pdf>. Дата доступа: 20.03.2007.
5. Резолюция 662 (1990) от 9 авг. 1990 г.: док. ООН S/RES/662(1990) [Электронный ресурс] // Там же. Режим доступа: <www.un.org/russian/document/scresol/1990/res662.pdf>. Дата доступа: 20.03.2007.
6. Шестой доклад об односторонних актах государств, подготовленный специальным докладчиком г-ном Виктором Родригес Седено: док. ООН A/CN.4/534. Женева: ООН, 2003.
7. Анцилотти, Д. Курс международного права. М., 1961.
8. Броунли, Я. Международное право. Т. 2. М., 1977.
9. Брутенц, К. Н. Колонии и колониальная политика // БСЭ / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 12. М., 1973. С. 447—451.
10. Война за независимость в Северной Америке 1775—1783 // Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 10. М., 2006. С. 5—6.
11. Галет де. Международное право. СПб., 1860.
12. Гасымов, Ф. Р. Признание государств и правительства. Современная международно-правовая теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2005.
13. Каламкарян, Р. А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984.
14. Кенде, П. Самоопределение в Восточной Европе: вчера и сегодня // Центрально-Европейский ежегодник. 2003. Вып. 1. М., 2003. С. 175—190.
15. Курс международного права: в 7 т. Т. 3. Основные институты международного права / М. М. Аваков [и др.]; отв. ред. Н. А. Ушаков. М., 1990.
16. Лазарев, М. И. К вопросу о признании в международном праве // Советское государство и право. 1948. № 8. С. 44—49.
17. Лист, Ф. Международное право в систематическом изложении. Рига, 1923.
18. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1904.

19. Моджорян, Л. А. Значение признания государств и правительств на современном этапе // Вопросы теории и практики современного международного права. 1960. № 3. С. 15–31.
20. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. 1. Полутом I. М., 1948.
21. Признание в современном международном праве. Признание новых государств и правительств / Д. И. Фельдман [и др.]; под общ. ред. Д. И. Фельдмана. М., 1975.
22. Россия должна признать Абхазию и Южную Осетию, не дожидаясь признания Косово [Электронный ресурс] // Новый регион. Южный Кавказ. Интернет-издание стран Южного Кавказа. Режим доступа: <www.nregion.com/news.php?i=9713>. Дата доступа: 13.02.2007.
23. Смыслов, М. Д. Международно-правовая защита меньшинств // Москов. журн. междунар. права. 2003. № 1. С. 99–112.
24. Старушенко, Г. Самоопределение без сепаратизма // Междунар. жизнь. 1993. № 1. С. 128–135.
25. Фельдман, Д. И. Крах колониальной системы и некоторые вопросы международно-правового признания и правопреемства / Д. И. Фельдман, М. Х. Фарукшин // Правоведение. 1962. № 2. С. 115–123.
26. Фельдман, Д. И. Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965.
27. Фердросс, А. Международное право. М., 1959.
28. Хайд, Ч. Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 1. М., 1950.
29. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, signed at Montevideo, 26 Dec., 1933 [Electronic resource] // Organization of American States. Mode of access: <www.oas.org/juridico/english/treaties/a-40.html>. Date of access: 18.03.2007.
30. Dragich, A. The West's mismanagement of the Yugoslav crisis. World Affairs. Fall, 1993. [Electronic resource] // Findarticles. Mode of access: <findarticles.com/p/articles/mi_m2393/is_n2_v156/ai_14728643>. Date of access: 07.04.2007.
31. Ijalaye, D. Was «Biafra» at any time a state in international law? // American Journal of International Law. 1971. V. 65. N 3. P. 551–559.
32. Rich, R. Recognition of States: the collapse of Yugoslavia and the Soviet Union // European Journal of International Law. 1993. V. 4. N 1. P. 36–65.
33. Shaw, M. International Law. Cambridge, 2003.
34. Turk, D. Recognition of States: a comment. // European Journal of International Law. 1993. V. 4. N 1. P. 66–91.
35. Widell, J. The breakup of Yugoslavia and premature state recognition [Electronic resource] // Michel Collon InvestigAction. Mode of access: <www.michelcollon.info/articles.php&dateaccess=2004-11-08%2010:54:56&log=lautrehistoire>. Date of access: 27.02.2007.

«Преждевременное признание нового государства. Некоторые теоретические аспекты» (Елена Коннова)

На основе анализа критериев признания государств рассматриваются вопросы, касающиеся преждевременного признания; делаются выводы о правомерности применения этого термина в современной международно-правовой литературе.

Критерии своевременности признания, которые использовались в классической доктрине международного права (критерии предварительного предоставления признания бывшей метрополией и фактического завершения военных действий), утратили свою юридическую значимость. Критерии признания, приводящиеся в современной международно-правовой литературе, также не являются юридически обязательными. В современном международном праве существует лишь один непреложный критерий для признания нового государства — критерий международной законности, в соответствии с которым не допускается нарушение императивных норм международного права как в процессе создания государства, так и при предоставлении ему признания. Этот критерий, однако, не имеет ничего общего с моментом предоставления признания.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что использование термина «преждевременное признание» становится необоснованным ввиду отсутствия в современном международном праве критериев, на основании которых можно было бы определять своевременность предоставления признания.

«Premature Recognition of a New State. Some Theoretical Aspects» (Elena Konnova)

Analysing of the criteria of recognition of states the article considers the questions of premature recognition and the applicability of this term in modern international law literature.

The criteria used in the traditional doctrine to determine whether the act of recognition was committed in proper time (the criterion of granting recognition only after that of «a parent state» and the criterion of the end of the struggle) have lost their legal value in modern international relations. The elaboration and assignment of the basic principles of international law have made it possible to evaluate the process of creation of states and the acts of recognition with the relation to the legal norms.

The criteria described in the modern doctrine (criterion of effectiveness of the government of a state, criteria for statehood elaborated in the 1933 Montevideo Convention on the Rights and Duties of States) are not legally binding in international law. The only obligatory criterion for recognition is international legality. According to this criterion the breach of peremptory norms jus cogens is not permitted in the process of creation of a new state, as well as in the process of granting a recognition to it. This criterion, however, does not have anything to do with the moment of recognition.

Thus, the author comes to a conclusion that the use of the term «premature recognition» becomes illegitimate because of the absence of the criteria which would allow to determine the timeliness of the recognition act in modern international law.